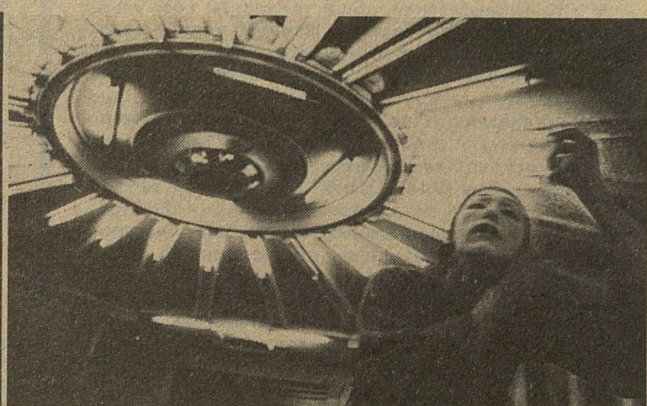


Моск. комсомолец, 1988,
26 фев.

МОНОЛОГ

ВЫ СМОТРИТЕ НА МЕНЯ...



Анатолий Елизаров показывает программу в постановке народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Мариса Эдуардовича Лины. Программа получила заслуженное одобрение на Первом Международном фестивале пантомимы в Праге, ее оценили советские и зарубежные зрители. Сейчас артист Москонцерта Анатолий Елизаров под руководством опытного режиссера и своего старшего друга Мариса Лины готовит новый спектакль. Предположительно он будет называться «Монологи». Что скажет в них зрителям молодой мастер старейшего из искусств, мы узнаем, когда снова увидим на сцене веселого мима с удивленным и грустным лицом...

Вы смотрите на меня, а я гляжу на вас, и мне хочется вас немного развлечь. Правда, обидно, когда улетает шар? Его упустил этот длинный, в красном костюме, с белым разрисованным лицом. То есть я. Вы смотрите с недоумением: зачем он нас дурачит? Что он хочет сказать, когда гоняется за бабочкой или срывает колючую розу? Что он себе думает, когда заламывает руки вслед улетевшему шару?

Вы расстроились. Ну, это напрасно. Если мы замечаем, как улетают наши надежды, значит, не разучились надеяться. Не такая уж пустая затея — гоняться за бабочкой. Сколько ни есть на свете детей и взрослых, все они тянутся к прекрасным и колючим розам.

Ваши лица я видел множество раз. Они самое разительное из того, что я видел. Лица и позы. Я запоминал их, ловил на лету, срисовывал в блокнот. Я наблюдал за вами, когда вы думали, что одни, и ваши лица были подобны открытым книгам. Я читал в них и учился думать вашими мыслями, чувствовать вашим сердцем, чтобы потом выйти на сцену и молча сказать, как вы бываете счастливы и как печальны.

Вглядитесь, вы не узнаете себя в этом белом лице с бровями, изломанными грустью?

И снова свет, и снова я у всех на виду. Я должен быть точен, как самые лучшие часы. Я должен быть точен в каждом движении — они не заменяют слов, они о том, что не выразить словами и звуками. Но вы понимаете меня, я вижу, вы уже без труда понимаете меня, и продолжаю свое представление.

Почему я избрал эту профессию, которая кажется многим взрослым странной, детям — луч-

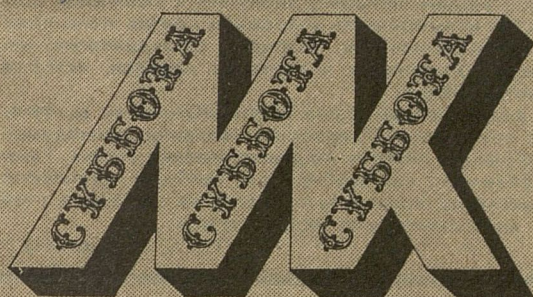
шей на свете, а мне — обычной? Ответ самый простой. Не знаю, плохим или хорошим мимом я родился, но родился я только им, с ощущением кровного родства со всеми, кто брался и берется развлекать почтенную публику.

Хотите посмотреть, как это делает несравненный Марсо? Пожалуй, я сыграю перед вами его пассажира в поезде. Кажется, это было так — да-да, ужас, сколько неприятностей в жизни! Вас могут прогнать со своего места, потом целый час продержат перед закрытой дверью, вас обмочит чужой ребенок, и в довершение вы забудете в поезде свой чемодан. С ума сойти, сколько каверзных неожиданностей подстерегает нас на каждом шагу. Но, обладая веселым и простодушным нравом, можно не обращать на них внимания.

Интересно, нет ли среди вас доктора? У него должно быть очень внимательное лицо. Доктора необычайно долго моют руки, потому что у них самые серьезные намерения... Если в зале есть врачи, я прошу их не обижаться. Ведь дело здесь не в том, что хирург забыл положить на место сердце больного: это бездушный человек лишил

другого своей любви или дружбы. А к докторам я питаю уважение. Благодаря одному из них мне удалось раз в жизни посмеяться над собственной пантомимой. Я вспомнил о ней в самый неподходящий момент, на операционном столе, и не мог удержаться от смеха.

А теперь — хотите услышать настоящего скрипача? Сейчас вы узнаете, что такое музыка! Но почему же она не настраивается, эта проклятая скрипка? Ну и звуки. В лучшем случае их могла бы издавать пила. И что с



ней случилось? Она ревет, как бешеный бык, и визжит, как поросенок. Я больше не могу, я плачу! А вы смеетесь? Вам всегда все удавалось, и вы не лили горьких слез, когда ваша скрипка фальшивила? Они смеются.

Дайте свет!

Не знаю, как вам понравился мой герой. Мне хотелось, чтобы он выглядел порывистым и нежным. Он ходит по земле с изумлением и немногом чудачеством, как поэт или влюбленный. Конечно, я хотел бы, чтобы вы его полюбили. Не знаю, насколько это мне удастся.

Пьеро, клоун, пацан — мои родные братья. Они смешили людей во все времена, на равных нам не было на всех площадях и ярмарках мира. Мы всегда издевались над пороком, и на помосте, сколоченном наспех посреди карнавала, торжествовали правда и красота.

...Пора уходить. Я уношу с собой ваше удивление и ваши лица. Вы смеетесь, вы не хотите, чтобы мим уходил? Но ведь мне ничего не стоит вынуть невидимый меч, сделать вид, что я рассекаю грудь, и бросить к вашим ногам свое сердце...

Монолог увидела и попыталась расшифровать
Т. ШОХИНА.